

Совершенно аналогичный процесс развития письма можно предполагать и в Тырновской Болгарии. Говорим предполагать, так как в данной области имеется очень мало точно локализованных и датированных текстов XIII в. Если Погодинская псалтирь действительно относится к первым годам XIII в. (а особенно, если еще к концу XII в.), то это значило бы, что в Тырновской Болгарии развитие заимствованного из России уставного письма значительно опередило Сербию. њ с очень высокой мачтой, омега с низкой серединой и правильными овалами боков, и с перекладиной в верхней части слова, широкое е для je не встречается в других балканских текстах ранее середины XIII в. Думаю, что по формам букв наиболее древним памятником этой группы должен был быть сторевший в 1941 г. Октоих Белградской народной библиотеки, 268 (216), от которого один лист хранится в собрании Срезневского под именем «Жеравинского устава» — его, вероятно, можно было бы отнести ко второму или третьему десятилетию XIII в. Грамоты Иоанна Асеня II Дубровнику и святогорскому Ватопеду, хотя и писаны тогдашней канцелярской скорописью, и Асенева запись 1230 г. на столбе в Тырновской церкви свв. Апостолов, хотя и писана монументальным письмом эпиграфического типа, все же позволяют создать представление об основных формах болгарского уставного письма четвертого десятилетия XIV в., которое имеет много общего с письмом сербской минеи Братка того же периода. К 1263 г. относится болгарская часть Хиландарского Шестоднева, к 1263 или 1273 г. — Тырновское евангелие, к 1277 г. — отрывки Васы Грамматика, к последней трети XIII в. — довольно большое число недатированных рукописей, которые П. А. Лавров описывает и воспроизводит под номерами 4, 6—12 как «Восточно-болгарские тексты».¹⁵³ Та же графика, почти полностью аналогичная сербской данного периода, распространяется и в области македонских текстов после завоевания Иоанном Асенем в 1230 г. Македонии, где до того, как уже упоминалось, держались древние местные традиции.

Почти полное сходство графики сербских и болгарских текстов XIII в.¹⁵⁴ вполне понятно благодаря наличию близких политических и культурных связей между этими народами в данный период, что нашло свое отражение в большом числе болгарских рукописей с сербизмами, так же как и сербских с болгаризмами при известном числе памятников, над которыми совместно трудились болгарские и сербские писцы, как например в упомянутом Хиландарском Шестодневе 1263 г. Рядом с другими графическими явлениями, которые мы в предыдущем отрывке о графике сербских текстов связывали с русской графической базой, следует особенно подчеркнуть появление русской формы пси — лилии — во всех болгарских текстах, начиная от Погодинской псалтири. Только в Григоровичевой минеи эта форма является параллельно с более древней, крестовой, каковая в македонских рукописях держится и в течение первой трети XIII в.

По обычному воззрению, сформулированному В. Н. Щепкиным, «с XI века по начало XV, т. е. в течение четырех веков, русская графика представляет непрерывную эволюцию, во многом отличную от югославянской. Русские почерки внутри этого периода должны быть рассматриваемы независимо от югославянских. Только в начальной и конечной точке этого

¹⁵³ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение. . . , стр. 81—98.

¹⁵⁴ Как специфическую особенность болгарских текстов можно было бы считать большую верность форме омеги с высокой серединой, которая рядом с младшей формой держится в течение всего тырновского периода. В сербских текстах, напротив, при наличии отдельных случаев употребления старшей формы (например, у архиепископа Никодима) преобладает форма с низкой серединой: в первой половине XII в. — с расходящимися книзу боками, позднее — с правильными овальными.